

А. В. Васильев

**О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В РАЗВИТИИ РИМСКИХ МАГИСТРАТУР
В ЭПОХУ «ЗОЛОТОГО ВЕКА» РЕСПУБЛИКИ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II в. до н. э.)**

В статье рассматриваются некоторые аспекты функционирования римских магистратур в период, последовавший за окончанием Второй Пунической войны, который в историографии принято обозначать как эпоху «золотого века» римской республики. В первую очередь, автор уделяет внимание предпринятым в это время попыткам нормализации системы магистратур (законы Виллия и Бебия и другие меры). Демонстрируются также усиление личного фактора в римской политике этого времени и отсутствие действенных инструментов контроля за действиями римских магистратов в провинциях. Автор приходит к выводу о том, что попытки сената ограничить власть магистратов в провинциях и вернуть магистратуры в рамки республиканской конституции в долгосрочной перспективе потерпели неудачу. Библиогр. 31 назв.

Ключевые слова: Рим, республика, магистратуры, сенат, «золотой век», Сципион.

A. V. Vasilyev

**ON SOME TENDENCIES OF THE ROMAN MAGISTRACIES DEVELOPMENT
IN THE EPOCH OF THE ROMAN REPUBLIC'S "GOLDEN AGE"
(FIRST HALF OF THE 2ND CENTURY BC)**

The paper deals with some aspects of the functioning of the Roman magistracies in the period following the end of the Second Punic War which became known in the historiography as the Roman Republic's "golden age". First of all the author focuses attention on the attempts undertaken in this period to normalize the system of magistracies (Villius' and Bebius' laws and some other measures). Reinforcement of the personal factor in the Roman politics of that time is also demonstrated as well as the absence of the efficient instruments of control over the actions of Roman magistrates in provinces. The author comes to a conclusion that all the attempts of the Senate to limit power of magistrates in provinces and to return magistracies into the framework of the republican constitution failed. Refs 31.

Keywords: Rome, republic, magistracies, Senate, "golden age", Scipio.

Период между окончанием второй Пунической войны и разрушением Карфагена (201–146 гг. до н. э.) был определен историком I в. до н. э. Саллюстием как время наилучших нравов римского народа, когда граждане пребывали в согласии (Sall. Hist. I. 11). Современная историография вторит этому указанию древнего автора, называя первую половину II в. до н. э. временем наибольшей устойчивости римского общества и государства, бурного экономического развития и успешных для Рима завоевательных войн¹.

В то же самое время было отмечено, что именно «золотой век» римской республики стал периодом зарождения тех внутренних проблем и противоречий, которые в итоге привели к острому кризису, и в этом смысле главное внимание исследователей обычно уделялось структурным изменениям римского общества и экономики

Васильев Андрей Владимирович — преподаватель, Санкт-Петербургская классическая гимназия №610, Российская Федерация, 197198, Санкт-Петербург, Малый пр. Петроградской Стороны, 9/6; Ander-Vaas@yandex.ru

Vasilyev Andrey V. — teacher, St.Petersburg Classical Gymnasium №610, 9/6, Maliy pr. Petrogradskoy storony, St.Petersburg, 197198, Russian Federation; Ander-Vaas@yandex.ru

¹ Отсутствие острых социальных конфликтов отмечает А.Э.Астин: [1, р. 185]; стабильность политической системы подчеркивает Ф. Миллар: [2, р. 110–111].

[3, с. 620–622; 4, р. 334–337; 5, р. 101–102]. В данной статье предпринята попытка проанализировать, какие новации привнес этот период в практику функционирования института магистратской власти в Риме и как римское правительство пыталось бороться с некоторыми из этих изменений.

Во время Второй Пунической войны система римских магистратур оказалась в значительной степени разбалансированной, в результате чего основные рычаги центрального управления оказались сосредоточены в руках сената, накопившего значительный авторитет за годы военных испытаний. Многие исследователи полагают, что путь демократизации политического устройства был отрезан для Рима именно вторжением Ганнибала и необходимостью сплотиться перед лицом внешнего врага [6, р. 36; 7, р. 486–487; 8, с. 63].

Р. Фейг Вишня отмечает, что Вторая Пуническая война нарушила нормальный порядок прохождения должностей, а суммарный эффект прецедентов военного времени не мог быть с легкостью преодолен по возвращении к миру. Исследовательница также демонстрирует осложнение ситуации с выборами и ужесточение политической конкуренции из-за того, что в первые десятилетия II в. до н.э. гораздо больше римских граждан, чем это было ранее, обрели возможность выставлять свои кандидатуры на высшие должности (речь идет о тех всадниках, которые не занимали курульных должностей и были включены в сенат в 216 г. до н.э.) [9, р. 123].

В историографии пренебрежение к конституционным нормам принято связывать с той ролью, которую играл в римской политике этого времени Сципион Африканский [10, р. 59; 11, р. 368; 12, с. 105–108]². Действительно, в 90-е годы II в. до н.э. представители его клана преобладали на выборах практически на все ключевые посты в республике (в частности, семь консулов этого десятилетия принадлежали к роду Корнелиев). Положение и престиж самого победителя Ганнибала при сохранении всех традиционных республиканских институтов сместили центры власти и влияния в римской республике, поставив под угрозу олигархическое равновесие [5, р. 190].

А. Тойнби отмечает и то, что попытки оппонентов Сципиона еще в годы Второй Пунической войны лишить его войск и припасов, чтобы не допустить африканской экспедиции, обернулись тем, что Сципион фактически сформировал свою собственную армию, преданную ему лично, а не только как должностному лицу (*ex officio*), что было опасным прецедентом на будущее [7, р. 620]. Трудно с точностью установить, кто возглавлял оппозицию Сципиону, поскольку она была достаточно разноплановой и объединяла значительную часть сената. Х. Скаллард считал, что по окончании Второй Пунической войны группировка Клавдиев (в ее составе был, например, М. Клавдий Марцелл, сын знаменитого полководца эпохи Ганнибаловой войны) стала придерживаться принципа «годовых командований» (без пророгаций) [14, р. 96]. Из молодых политиков к ним, по-видимому, примыкали Марк Порций Катон³, а также плебейские трибуны Марк Фульвий и Маний Курий, выступившие против кандидатуры Т. Квинция Фламинина на выборах в консулы 198 г. до н.э. (Liv. XXXII. 7. 8–11; Plut. Tit. 2. 1–2).

² О Сципионе как о новом типе военного и политического лидера см.: [13].

³ Катона поддерживал Л. Валерий Флакк, который привел будущего грозного цензора в римскую политику. Подробнее о начале политической карьеры Катона Старшего, его связях с родами Фабиев и Клавдиев и политической обстановке в Риме в начале 90-х годов II в. до н.э. см.: [15, с. 30–42].

Н. Н. Трухина полагает, что именно эти люди начали борьбу со Сципионами за нормализацию магистратуры: так, они отказали в продлении полномочий Сульпицию и Виллию в 200–199 гг. до н. э., настояли на отмене в 198 г. до н. э. экстраординарных испанских проконсулатов и на избрании в 197 г. до н. э. двух добавочных преторов (всего преторов стало шесть) для управления двумя испанскими провинциями (Liv. XXXII. 27. 5), а также, по всей видимости, запретили вручать промагистратские полномочия частным лицам [12, с. 112].

Несмотря на принятые меры, сенат не мог избежать продления полномочий провинциальных наместников. Например, даже после отмены экстраординарного проконсулата, в 190 г. до н. э. в Испании был продлен преторский империй Эмилия Павла, шурина Сципиона Африканского, опять-таки — в ранге проконсульского (Plut. Aem. IV; Liv. XXXVII. 46). Кроме того, по всей вероятности, в 181 г. до н. э. консулом М. Бебием Тамфилом⁴ был инициирован закон об избрании попеременно то шестерых, то четверых преторов (Liv. XL. 44. 2), и уже в следующем году было снова избрано только четыре претора. Как представляется, это было связано с неизбежностью пророгации. Вместе с тем нужно признать, что в период 197–167 гг. до н. э. (для него мы имеем сохранившиеся книги Ливиева изложения) империй продлевался в случае не более 40 % консулов и лишь 36 из 128 известных преторов [17, р. 47]. При нормальных обстоятельствах теперь два претора служили в Риме (городской претор и претор peregrinorum), а четверо — наместниками Сицилии, Сардинии, Ближней и Дальней Испаний. Консулы оставались в главе государства и в случае необходимости могли принимать участие в военных действиях (особенно на Востоке).

Еще сложнее обстояло дело с возвращением к нормальному порядку прохождения магистратур. Правда, после 197 г. до н. э. консулы, не занимавшие до консулата претуры, больше не встречались (если не считать случай со Сципионом Африканским, который получил свое второе консульство в 194 г. до н. э., так и не побывав прежде претором). Несмотря на то, что списки эдилов (и курульных, и плебейских) далеко не полны, практически все эдилы, которые избирались в преторы после 196 г. до н. э., соблюдали двухлетний перерыв между двумя этими должностями⁵. Правда, эдилитет не мог быть обязательной ступенькой к претуре, поскольку эдилов ежегодно избиралось только четыре, а преторов со 197 г. до н. э. — шесть.

Наиболее значительной попыткой установить строгий порядок прохождения должностей стал закон народного трибуна Луция Виллия 180 г. до н. э. (Liv. XL. 44. 1). Т. Моммзен полагал, что этот закон установил в качестве юридической нормы только минимальный двухгодичный перерыв между избранием на следующую должность и следующий обязательный порядок избрания: квестура — претура — консулат, в то время как возрастные ограничения устанавливались лишь косвенно [18, S. 526–528]. Итальянский историк Ф. де Мартино оспорил эту точку зрения, полагая, что закон Виллия как раз и установил возрастные ограничения, а вот обязательный порядок прохождения должностей не существовал до времен Суллы [19, р. 363, п. 7].

⁴ Дата и отождествление закона с этим консулом спорны, поскольку Ливий не указывает, кем именно он был утвержден. Они принимаются Т. Броутоном, и мы разделяем его датировку: [16, р. 384].

⁵ Между тем во времена Второй Пунической войны бывали такие молниеносные карьеры, как у Кв. Фабия Максима (сына Кунктатора), который был курульным эдилом в 215 г. до н. э., претором в 214 и консулом в 213 г. до н. э.: [9, р. 122, п. 17].

А. Астин детально исследовал практику занятия должностей до и после принятия этого закона и пришел к выводу, что Виллиевым законом был напрямую установлен фиксированный минимальный возраст для различных магистратур (по его предположению, 36 лет для эдилитета, 39 для претуры и 42 для консулата), и это было главным содержанием закона. Возможно, одновременно был установлен обязательный двухлетний перерыв (*biennium*) между занятием очередной магистратуры [20, р. 41]. С таким мнением можно согласиться, а что касается причин принятия закона, то, как полагают некоторые современные исследователи, он мог быть вызван главным образом ростом политической конкуренции внутри римского нобилитета и требованиями ограничить засилье ведущих родов на выборах [21, р. 181–184].

Одним из характерных явлений II в. до н. э. стали попытки совмещения нескольких курульных должностей одновременно. В частности, в 184 г. до н. э., когда, будучи в должности, умер претор Г. Децимий, одним из кандидатов на вакантный пост выступил курульный эдил Кв. Фульвий Флакк (Liv. XXXIX. 39. 1–3). Консул Л. Порций не захотел вносить его имя в списки кандидатов, но после совещания с сенатом обратился напрямую к Флакку с требованием отказаться от выставления своей кандидатуры. Флакк дал уклончивый ответ, а в день выборов продолжил агитировать за свою кандидатуру. В итоге сенат принял решение избрать только пять преторов, а оба вида судопроизводства (городское и с иноземцами) поручить Публию Корнелию Цетегу (Liv. XXXIX. 39. 13–15).

Именно этот случай, по мнению Р. Фейг Вишния, способствовал принятию закона Виллия в 180 г. до н. э. [9, р. 122]. Добавим, что принятие закона Бебия также, по всей вероятности, было вызвано этой правовой коллизией, поскольку, как уже было сказано, именно этот закон официально разрешил сенату определять количество ежегодно необходимых преторов.

До середины II в. до н. э. вторичное избрание на должность консула формально было разрешено законом при соблюдении необходимого 10-летнего перерыва. Дважды консулами избирались многие именитые военачальники этого времени⁶. Однако в 152 г. до н. э. М. Клавдий Марцелл был избран консулом в третий раз, причем без соблюдения законного интервала (до этого он был консулом в 166 и 155 гг. до н. э.) [16, р. 453]. Тогда М. Порций Катон произнес в сенате речь против неоднократных консульств (MF. 185–186⁷; Plut. Aporph. 199. 20) и добился запрещения повторного соискания консулата (151 г. до н. э.)⁸.

Стоит отметить, что упорядочение магистратур не могло остановить тенденции к усилению личностного фактора в римской политике. После судебных процессов 80-х годов II в. до н. э. над Сципионами, на которых в этой статье не имеет смысла специально останавливаться, своего рода преемником победителя Ганнибала стал Марк Эмилий Лепид, который дважды был консулом (в 188 и 175 гг. до н. э.), в 180 г. до н. э. занял пост великого понтифика, а год спустя стал также цензором, и в этом качестве, пользуясь цензорскими полномочиями, сделал себя еще и принцепсом сената (*princeps senatus*). Лепид возглавлял римскую религиозную организацию и оставался первым сенатором вплоть до своей смерти около 152 г. до н. э. Все это позво-

⁶ Известно семь случаев такого рода, см.: [14, р. 234; 22, р. 121, n. 18].

⁷ Фрагменты речей Катона здесь и далее цит. по: [12, с. 172–182].

⁸ *Lex de consulatu non iterando*, см.: [23, р. 290–291]; [18, S. 521, Anm. 1]. Плутарх в биографии Мария, по всей видимости, намекает именно на этот закон (Plut. Mar. 12).

лило Ф. Мюнцеру называть положение Лепида «статусом наследного принца» [24, S. 158], намекая на то, что в 70–50-е годы II в. до н. э. он унаследовал роль Сципиона Старшего в начале второго столетия.

Установленный законом Виллия жесткий порядок прохождения «лестницы магистратур», хотя и исполнялся, но не обходился без исключений. В 147 г. до н. э. сенат был вынужден пренебречь законом, чтобы дать возможность Сципиону Эмилиану (он выставил свою кандидатуру в эдилы, но народ хотел видеть его консулом) участвовать в выборах консулов и завершить затянувшуюся Третью Пуническую войну (Liv. Per. L)⁹. Закон о запрете вторичного избрания в консулы также был обойден и вновь в отношении Сципиона Эмилиана, избранного консулом во второй раз на 134 г. до н. э., но уже в связи с другой неудачной для Рима войной, Нумантинской (Liv. Per. LVI)¹⁰. Тем не менее, в общем и целом, порядок избрания на должности, установленный законами 180 и 151 гг. до н. э., соблюдался вплоть до времени Гракхов.

Не менее важно, на наш взгляд, проследить функционирование магистратуры в сфере провинциального управления, в которой должностные лица города-государства действовали от его лица и не были скованы ограничениями, налагавшимися на них в городских пределах. Именно в этой области самостоятельность высших магистратов и промагистратов значительно возросла в первой половине II в. до н. э.

После Ганнибаловой войны возросшее число провинций внесло элемент дезорганизации в центральную власть, поскольку римские магистраты все чаще и чаще вынуждены были исполнять срок своих полномочий в качестве постоянных наместников в Испании и на севере Италии, где шли непрерывные войны с местными племенами. Провинции все более и более становились предметом для беспокойства, поскольку из Рима было невозможно контролировать то, что в них происходило. В историографии было отмечено, что в провинции исчезало разделение судебной, военной и финансовой власти, имевшее место в Риме, и практически полностью восстанавливалось монархическое начало магистратуры [14, p. 176; 26, с. 22].

Нельзя сказать, что сенатом не предпринималось никаких мер по ограничению власти наместников провинций. Как полагает Х. Скалард, приблизительно во время трибуната П. Порция Леки (199 г. до н. э.) был принят закон, распространявший действие права провокации (*ius provocationis*) на римских граждан в Италии и провинциях, что было специальным образом отмечено на монетах, выпущенных потомками трибуна [14, p. 96, n. 4].

Борца со злоупотреблениями М. Порция Катона чрезвычайно занимали вопросы провинциального управления. Во время сципионовских процессов (187 г. до н. э. — MF. 67; Liv. XXXVIII. 54), при исполнении цензуры (184 г. до н. э. — MF. 98), на первом процессе о вымогательстве в провинции (171 г. до н. э. — MF. 154–155. 24; Liv. XLIII. 2) он произносил речи о контроле над добычей полководцев и казной наместников [12, с. 112–113].

⁹ Положение Сципиона Младшего в 40–30-гг. II в. до н. э. напоминает прежний статус Сципиона Старшего. О Сципионе Эмилиане см.: [25].

¹⁰ Имеются также свидетельство Цицерона, указывающее на заочное избрание Сципиона консулом во второй раз (Cic. De rep. VI. 11), и свидетельство Аппиана, в котором ситуация 134 г. до н. э. описывается как аналогичная событиям 147 г. до н. э. (App. Iber. 84). В последнем случае, очевидно, имела место ошибка.

Тем не менее именно римский наместник в провинции являлся представителем римской власти, а потому конкретные решения зависели только от него. Недаром тот же Катон, будучи претором в Сардинии в 198 г. до н. э., сократил или вовсе отменил расходы, которые провинциалы несли на содержание наместников (Liv. XXXII. 27. 3–4; ILS. 38). Другой пример — наместник в Испании в 188 г. до н. э. Л. Эмилий Павел, который издал декрет (дошедший до нас в виде эпитафического памятника) об освобождении рабов из Гасты, укрывшихся в Ласкутанской башне, и о возвращении им земель и городов, которыми они владели прежде. Характерно используемое в надписи выражение «*так желает народ и сенат римский*» (*dum populus senatusque Romanus vellet* — CIL. II. P. 699. 5041), которое свидетельствует об осознании римским наместником своего статуса в провинции.

Однако в провинциях у сената не было действенных инструментов контроля над действиями магистратов. Разумеется, сенаторы могли направлять инструкции и полномочные сенатские комиссии в провинции, а в особых случаях даже лишить магистрата государственного финансирования, но все это в реальности никоим образом не ограничивало магистратский империй [27, р. 45].

Примеры произвола римских магистратов в провинциях в 80–70-е годы II в. до н. э. множатся. На смену добросовестным М. Порцию Катону и Л. Эмилию Павлу приходят наместники, озабоченные в большей степени не репутацией, а личным обогащением и военной славой. Нет необходимости в том, чтобы перечислять все их злоупотребления¹¹, приведем лишь наиболее характерный пример.

В 171 г. до н. э. консул Гай Кассий Лонгин, которому была определена в качестве провинции Италия, самовольно покинул ее и отправился с войском в Македонию, хотя война в последней была поручена другому должностному лицу (Liv. XLIII. 1. 4). Сенат, узнав об этом, послал трех легатов, чтобы нагнать консула и объявить ему, чтобы он не начинал войны ни с каким племенем иначе, как по решению сената (Liv. XLIII. 1. 10–11). В том же году послы галльского царя Цинцибалла пожаловались на вероломное нападение Кассия, к ним присоединились послы племен карнов, истрийцев и япидов, которые тоже подверглись нападению войска под предводительством этого консула. Все эти народы официально не состояли в войне с Римом, и сенат обещал разобратся (Liv. XLIII. 5. 1–6), однако, по всей видимости, дело было замято, поскольку, насколько известно, Кассий до 168 г. до н. э. оставался в Македонии в качестве военного трибуна, опасаясь разбирательства его злоупотреблений в сенате (Liv. XLIII. 5. 1–9), а уже в 167 г. до н. э. был избран претором [18, р. 421, 425, 429, 432].

К. Бреннан полагает, что после этого прецедента выкристаллизовалось и стало общеобязательным правило, по которому магистрат не мог покидать пределов назначенной ему провинции. Автор предполагает, что оно было закреплено в специальном законе, сведений о котором до нас не дошло. Из обнаруженной в Книде в 1970 г. надписи известен более поздний закон (так называемый *lex de provinciis praetoriis*, датированный 101 или 100 г. до н. э.), в котором упоминается о запрете наместнику или членам его штаба без сенатского постановления вести войну за пределами его провинции [27, р. 44–46]¹².

¹¹ Систематическое изложение подобных фактов и судебных преследований римских магистратов уже не раз появлялось в историографии: [7, р. 608–642; 9, р. 128–139]. См. также: [28].

¹² См. публикацию надписи и комментарий к ней: [29, р. 231–270].

К 171 г. до н.э. относятся первые расследования по делам о злоупотреблениях провинциальных наместников: дела Марка Титиния (экс-претора Ближней Испании), Публия Фурия Фила (экс-претора Ближней Испании) и Марка Матиена (экс-претора Дальней Испании). Первый был оправдан, двое других избежали осуждения, удалившись в изгнание: Фурий — в Пренесте, Матиен — в Тибур (Liv. XLIII. 2). Для ограничения злоупотреблений сенат принимает постановление, запрещающее римским должностным лицам распоряжаться ценами на хлеб при торговле зерном с испанцами, а также отменяет назначение сборщиков налогов в их города (Liv. XLIII. 2. 12). По сути это были первые ограничения власти магистратов в отношении провинциалов.

В 149 г. до н.э., ввиду особенно вопиющего случая произвола пропретора С. Сульпиция Гальбы (наместника Дальней Испании в 151–150 гг. до н.э.), который частью вероломно перебил, а частью продал в рабство сдавшихся на его милость лузитан, по закону плебейского трибуна Л. Кальпурния Либона учреждается первая постоянная судебная комиссия для разбора дел о вымогательствах (*quaestio perpetua de repetundis*)¹³. Таким образом, отныне преступления римских магистратов могли разбираться полномочным трибуналом, а над деятельностью магистратов в провинциях устанавливался постоянный контроль своего рода сенатским комитетом [31, р. 86–100]. Однако на деле, как отмечает Э.Грюэн, судебных разбирательств в последующие годы было немного, а комиссия стала главным образом инструментом политической борьбы [30, р. 29–33].

Подводя итоги, следует отметить, что первая половина II в. до н.э. была временем нескольких различных тенденций. С одной стороны, в это время сенатская олигархия предпринимает довольно успешные меры для упорядочения института магистратской власти и достижения внутреннего политического равновесия по окончании Второй Пунической войны (прекращение практики наделения частных лиц империем, законы о возрастных ограничениях при занятии магистратур и запрете повторного консульства). С другой — появляются крупные политические фигуры (Сципионы, Лепид и Фламиний), которые сами становятся субъектами политической власти и влияния, и в этом смысле актуализируют заложенные в римской магистратуре потенциальные возможности, открывая дорогу лидерам Поздней республики.

Наконец, в то же самое время в связи с отсутствием действенных инструментов контроля со стороны сената магистратская власть в провинциях становится самодовлеющей. Провинциальные наместники в рангах консулов и проконсулов вершат суд, заключают международные договоры от имени римского народа и выступают арбитрами в международных конфликтах, распоряжаются по своему усмотрению финансами и римскими войсками. Именно к рассмотренному нами периоду относятся первые попытки ограничения такого положения вещей и вмешательства сената в деятельность наместников, однако эти попытки были, скорее, единичными и не могли переломить общий ход трансформации магистратской власти.

¹³ О чрезвычайных судебных комиссиях, которые послужили прообразом для ее создания, см.: [30, р. 9–12].

Литература

1. *Astin A. E.* Roman government and politics, 200–134 BC // The Cambridge Ancient History. 2 ed. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 163–196. (first publishing — 1989).
2. *Millar F.* Rome, the Greek World, and the East / ed. H. M. Cotton, G. M. Rogers. Vol. I. Chapel Hill; London: The University of North Carolina Press, 2002. XXII + 383 p. + [6] pl.
3. *Моммзен Т.* История Рима / пер. с нем. Т. 1. М.: Наука, 1994. 733 с.
4. *Frank T.* Italy // The Cambridge Ancient History. 1 ed. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. P. 326–356.
5. *Capogrossi Colognesi L.* Diritto e potere nella storia di Roma. Napoli: Jovene, 2007. XII + 383 p.
6. *Adcock F. E.* Roman political ideas and practice. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1959. 120 p.
7. *Toynbee A. J.* Hannibal's legacy: the Hannibalic war's effects on Roman life. Vol. II. London; New York; Toronto: Oxford University Press, 1965. X + 752 p.
8. *Ревяко К. А.* Пунические войны. Минск: Изд-во Университетское, 1988. 272 с. + ил.
9. *Feig Vischnia R.* State, Society and Popular Leaders in mid-republican Rome 241 — 167 BC. London: Routledge, 1996. 264 p.
10. *Haywood R. M.* Studies on Scipio Africanus. Baltimore: The John Hopkins Press, 1933. 114 p.
11. *Frank T.* Rome // The Cambridge Ancient History. 1 ed. Vol. VIII. Cambridge: Cambridge University Press, 1930. P. 357–387.
12. *Трухина Н. Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики (II в. до н.э.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 183 с.
13. *Васильев А. В.* Сципион Африканский как политический и военный лидер нового типа // Вестн. С-Петербур. ун-та. Сер. 2. 2012. Вып. 2. С. 109–116.
14. *Scullard H. H.* Roman politics, 220–150 B. C. 2 ed. (first published in 1951) Oxford: Clarendon Press, 1973. 325 p.
15. *Квашинин В. А.* Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда: Русь, 2004. 137 с.
16. *Broughton T. R. S., Patterson M. L.* Magistrates of the Roman Republic. Vol. I. New-York: American Philological Association, 1951. XIX + 578 p.
17. *Jashemski W. F.* The Origins and History of the Proconsular and the Proprietarian Imperium to 27 B. C. Chicago: The University of Chicago Press, 1950. 174 p.
18. *Mommsen Th.* Römisches Staatsrecht. 3. Aufl. Bd II. Leipzig: Verlag von S. Hitzel, 1887. XV + XIV + 1171 S.
19. *Martino F. de* Storia della costituzione romana. Vol. II. Napoli: Jovene, 1958. XII + 434 p.
20. *Astin A. E.* The Lex Annalis before Sulla // Latomus. 1958. Vol. XXXII. P. 5–46.
21. *Evans R. J., Kleijwegt M.* Did the Romans like young men? A study of the Lex Villia Annalis: causes and effects // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1992. 92. P. 181–195.
22. *Billows R.* Legal fiction and political reform at Rome in the early second century B. C. // Phoenix. 1989. Vol. XLIII. 2. P. 112–133.
23. *Rotondi G.* Leges publicae populi romani. Milan: Soc. ed. libraria, 1912. VII + 522 S.
24. *Münzer F.* Römische Adelsparteien und Adelsfamilien. Stuttgart: Darmstadt Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1920. 437 S.
25. *Astin A. E.* Scipio Aemilianus. Oxford: Clarendon Press, 1967. XIII + 374 p.
26. *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 225 с.
27. *Brennan Corey T.* Power and Process under the Republican “Constitution” // The Cambridge Companion to the Roman Republic / ed. by H. Flower. 1 ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 31–65.
28. *Васильев А. В.* Монархизм консульской власти в провинциальной политике Рима в эпоху «золотого века» республики // Новый Гермес. 2010. Вып. IV. С. 25–35.
29. *Crawford M. H.* Roman Statutes. London: University of London, 1996. XXVIII + 877 p. + ill.
30. *Gruen E. S.* Roman Politics and the Criminal Courts, 149–78 B. C. Cambridge; Massachusetts: Harvard University Press, 1968. 337 p.
31. *Ferguson W. S.* The Lex Calpurnia of 149 B. C. // Journal of Roman Studies. 1921. 11. P. 86–100.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2014 г.